

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.8>

UDC 316:618.2
LBC 60.561.54

Submitted: 26.02.2022
Accepted: 15.04.2022

ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY AS A SOCIAL PRACTICE: THE PROCESS OF FORMATION IN RUSSIA

Marina V. Shelest

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The category “social practice” has been actively used to study social phenomena since the end of the twentieth century, it allows to significantly expand the sociological aspect of research, but it has not been used to study the phenomenon of artificial termination of pregnancy. The purpose of the article was an attempt to identify the phenomenon of artificial termination of pregnancy with this category. The article highlights the stages of the development of artificial termination of pregnancy, identifies its signs, correlates with those inherent in “social practice”. The author came to the conclusion that artificial termination of pregnancy as a social practice began to take shape from the end of the 20th century, which manifested itself in an increase in the number of individual cases of abortions. Since the 1920s, the procedure has become the norm for society as a whole. By the mid-1930s, the process of forming the practice was completed, as evidenced by the manifestation of all the characteristics characteristic of this category: stability, reproducibility, mass character, the presence of a semantic basis. Further, artificial termination of pregnancy as a social practice began to develop. The practice in question consists of a number of components: the participants of the practice, the action of the practice, the method of carrying out the procedure, the type of abortion, the reasons for an individual’s decision to have an abortion, factors influencing the practice, the object of influence of the practice, the study of the content of which allows you to trace its development. The study of the stages of the formation of this practice allowed us to conclude that the spread of abortions in Russia was the result first of a change in the personal attitude of individuals to them, and since the 1920s – the distortion of religious, moral, ethical norms and traditions in society as a whole. The reasons why an individual decides to artificially terminate a pregnancy go beyond the socio-economic conditions of an individual’s life. The results obtained make it possible to identify the phenomenon as a social practice, which determines the possibility of its further research through this category.

Key words: artificial abortion, stages of formation of social practice, signs of social practice, components of practice, individual.

Citation. Shelest M.V. Artificial Termination of Pregnancy as a Social Practice: The Process of Formation in Russia. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 78-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.8>

УДК 316:618.2
ББК 60.561.54

Дата поступления статьи: 26.02.2022
Дата принятия статьи: 15.04.2022

ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА: ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ В РОССИИ

Марина Викторовна Шелест

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Категория «социальная практика» активно используется для изучения социальных явлений с конца XX в., она позволяет значительно расширить социологический аспект исследований, но для изучения феномена искусственного прерывания беременности она не применялась. Целью статьи стала попытка идентифицировать феномен искусственного прерывания беременности с данной категорией. В статье выделены этапы развития искусственного прерывания беременности, выявлены ее признаки, соотнесены с теми, которые присущи «социальной практике». Автор пришел к выводу, что искусственное прерывание беременности как социальная практика начала формироваться с конца XIX в., что проявилось в увеличении количества отдельных случаев абортов. С 1920-х гг. процедура превратилась в норму для общества в целом.

К середине 1930-х гг. процесс формирования практики завершился, о чем свидетельствует проявление всех характерных для данной категории признаков: устойчивость, воспроизводимость, массовость, наличие смыслового основания. С начала 1940-х гг. искусственное прерывание беременности как социальная практика начала развиваться. Она состоит из ряда компонентов: участники практики, действие практики, способ осуществления процедуры, вид аборта, причины принятия решения индивидом об аборте, факторы влияния на практику, объект влияния практики, изучение содержания которых позволяет проследить ее развитие. Изучение этапов формирования данной практики позволило сделать вывод, что распространение аборт в России стало следствием сначала изменения личного отношения к ним отдельных индивидов, а с 1920-х гг. – искажения в обществе в целом религиозных, нравственных, этических норм, традиций. Причины, по которым индивид принимает решение искусственно прервать беременность, выходят за рамки социально-экономических условий жизни индивида. Полученные результаты позволяют идентифицировать феномен как социальную практику, что определяет возможность его дальнейшего исследования через данную категорию.

Ключевые слова: аборт искусственный, этапы становления социальной практики, признаки социальной практики, компоненты практики, индивид.

Цитирование. Шелест М. В. Искусственное прерывание беременности как социальная практика: процесс становления в России // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 78–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.8>

С конца XX в. в социологии стала широко применяться категория «социальная практика», в основе которой лежит концепция социального действия отдельного индивида [Шугальский web], которая позволяет значительно расширить изучение социологического аспекта социальных явлений.

До настоящего времени для изучения феномена искусственного прерывания беременности (аборта), который остается одной из неразрешимых социальных проблем современного общества, категория «социальная практика» не применялась. В результате исследование его социологического аспекта в настоящее время продолжает ограничиваться:

– выявлением причин распространения аборт [Юсупова 2004], закономерностей в социально-экономических условиях жизни женщин, совершающих аборт [Конаков web; Рязанцев и др. 2019; Брынза, Сульдин, Иванова 2019];

– выяснением отношения общества к абортам [Антипова 2005; Сакевич, Фролова 2010; Быкова 2019];

– определением масштабов распространения феномена [Денисов, Сакевич 2019; Бантьева, Манюшкина, Соколовская 2020], и его влияния на демографические процессы [Вишневский (ред.) 2006; Радзинский, Журавлева 2009].

Следует отметить, что появились работы, посвященные исследованию психологических причин прерывания беременности [Петрова 2006; Руновская 2013].

Изучение искусственного прерывания беременности с опорой на положения теорий социальных практик позволит определить какое воздействие на общество в целом оказывают сами действия по прерыванию беременности в своей совокупности, выявить факторы, влияющие на практику прерывания беременности, определить какую роль в ней занимают мужчины, причины, которые являются ведущими в принятии решения об аборте и другие. Расширение изучения социологического аспекта феномена искусственного прерывания беременности является необходимым, для проведения актуализации регулирования аборт в современной России, где количество аборт остается значительным.

Для определения возможности применения категории «социальная практика» при изучении феномена искусственного прерывания беременности необходимо идентифицировать последний с данной категорией: выделить этапы становления, выявить признаки, присущие «социальной практике», отличающие ее от других социальных категорий, определить структурные компоненты, что стало целью данной статьи.

Проследивая процесс становления искусственного прерывания беременности как социальной практики, автор опирался на идеи социологов П. Бергера и Т. Лукмана об институционализации [Бергер, Лукман 1995]. На начальном уровне отдельный случай прерывания беременности приобретает значение социального действия, далее, если такое дей-

ствие часто повторяется, оно проходит стадию опривычивания, начинается его бессознательное воспроизводство в массах, оно становится социальной практикой, институцией, которая оказывает влияние на весь социум. Для выделения компонентов практики были использованы положения социальных теорий [Бурдые 2001; Гидденс 2005], в основе которых лежит действие отдельного человека. Для определения признаков практики – устойчивость, воспроизводимость, массовость, нормативность, наличие смыслового основания – использовались результаты исследований российских авторов [Антонова 2009; Дьяков 2011].

Эмпирическую базу статьи составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики; нормативно-правовые материалы за период с конца XIX в.; результаты российских социологических исследований по проблеме абортот.

Случаи искусственного прерывания беременности известны с древних времен. Разница с современным феноменом заключается в степени распространенности абортот. Первое упоминание об абортот можно встретить в древней клятве, условно приписываемой Гиппократу. В ней говорится об абортотивном пессарии, который врач не даст женщине. Следует отметить, что каждый случай искусственного прерывания беременности основан на сознательном решении [Обысова 1974, 12]. Он включает в себя принятие решения об абортот и саму процедуру. Поэтому обязательными участниками искусственного прерывания беременности являются индивиды, к которым относятся как женщины, принимающие окончательное решение и продельвающие процедуру, так и мужчины, участвующие в принятии решения (активно или пассивно). При изучении социологического аспекта рассматриваемого феномена мужчины должны быть обязательными участниками исследований.

До рубежа XX в. случаи абортот были редким явлением. Во многом это было следствием того, что в обществе складывалось отрицательное отношение к практике абортот. К XVI в. почти во всех европейских странах производство абортот каралось смертной казнью [Кузнецов, Лисицын 1974, 12]. В России

отношение к феномену сложилось во многом под влиянием Православной церкви. Каждый случай рассматривался в обществе как преступление.

По положению о наказаниях 1845 г. в России абортот стал приравняться к умышленному детоубийству. Сами женщины избегали и не принимали такой процедуры, прежде всего потому, что считали ее страшным грехом [Пирожкова 1912]. К беременности относились как к зарождению новой жизни. Поэтому абортот были единичными случаями наравне с другими преступлениями. Существует масса свидетельств современников о том, что подавляющее большинство женщин Российской империи рубежа XX в. вообще не знали о возможности искусственного прерывания беременности [Миронов 2000, 181]. В стране до конца XIX в. главным демографическим регулятором выступала смертность, например, у женщин, родивших в 1880–1890-х гг., больше половины детей умерло в возрасте до 20 лет, поэтому вопрос контроля рождаемости населения мало интересовал [Вишневский (ред.) 2006, 31, 40]. Вместе с тем именно в конце XIX в. участились случаи искусственного прерывания беременности. Об этом свидетельствуют документы медицинских съездов рубежа XX в. (III и XII съезды Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова, прошедшие в 1889 и в 1913 г. соответственно, IV съезд общества Российских акушерот и гинекологов в 1911 г.). По данным доцента В.Л. Якобсона, за период с 1893 по 1911 г. процент выкидышей увеличился в 10 раз и составил от родов 20 %, незаконное плодотзгнание зафиксировано в трех случаях из четырех [Якобсон 1912].

Началу распространения запретной практики способствовало, прежде всего, начавшееся переустройство самого российского общества и изменение отведенной в нем роли женщине: «Среди женщин началась бешеная погоня за заработком: искали уроков, поступали на службу на телеграф, наборщицами типографий, в переплетные мастерские, делались продавщицами в книжных и других магазинах, переводчицами, чтицами, акушерками, фельдшерницами, переписчицами, стенографистками. Отношение общества к трудящимся женщинам тоже быстро менялось»

[Водовозова 2014, 174–175]. Более того, в Россию начали проникать феминистские идеи, где материнство было названо причиной вторичного положения женщины в обществе [Юкина web], приобретала популярность идея о контроле рождаемости. Статус эмбриона в научных кругах был поставлен под сомнение, о чем на съездах прозвучали радикальные мысли, такие как: «аборт является во многих случаях предохранительным клапаном от детоубийства» [Грин 1913, 86–87]. На фоне падения религиозности притупилось понятие об умышленном прерывании беременности как о грехе, последнее на протяжении веков являлось основным препятствием для совершения такого поступка. Вместе с распространением информации о возможности и методах проведения аборт в обществе установилось мнение о безопасности операции, что делало «новую процедуру» еще более привлекательной [Пирожкова 1912].

Основные причины аборт участники съезда определили в усложнившихся социально-экономических условиях, семейных неурядицах, страхе перед родовой болью, многодетности, которые искали для оправдания поведения женщин с целью легализации аборт. Итогом Пироговского съезда 1913 г. по вопросу преднамеренных выкидышей стала резолюция о том, что искусственный аборт без медицинских показаний есть социальное зло, борьба с которым должна лежать в области государственных и социально-экономических реформ.

Первый этап формирования социальной практики искусственного прерывания беременности на этом завершился. Он заключался в росте количества аборт вследствие изменения личного отношения к такому действию у индивидов, под влиянием определенных изменений, начавшихся в это время в обществе. Однако большая часть населения этому без труда противостояла, опираясь на привитые с детства семейные ценности, религиозные идеалы, страх уголовного преследования, благодаря чему до 1917 г. абортивная практика в Российской империи распространялась очень слабо.

После событий 1917 г. произошла фактическая отмена уголовного наказания за искусственное прерывание беременности. Официально

производство аборт узаконили в 1920 г. постановлением Народных комиссариатов Здравоохранения и Юстиции [Постановление Народных... web], по которому женщина могла получить бесплатное производство аборт в больничных условиях. Власть избрала аборт как удобное средство, прежде всего для борьбы с Церковью (в рамках начавшейся антирелигиозной политики): женщины, совершавшие аборт, демонстрировали свое изменившееся отношение к понятию греха, к вере в целом. На первый план выступили личные интересы, а аборт стал восприниматься как удобный способ избавления от ненужной беременности. Кроме того, процедура помогла правительству высвободить рабочие женские руки, вовлечь женское население в процесс начавшейся индустриализации и затем коллективизации. Женщина была провозглашена труженицей, а не матерью, о чем ярко свидетельствуют выпускаемые плакаты того периода [Бабушкин web]. Необходимость противостоять воспроизводству «нового действия» у индивидов пропала, количество случаев искусственного прерывания беременности в стране стало быстро расти. Так, в среднем по 15 городам за период с 1924 по 1927 гг. оно возросло в три раза и достигло в г. Москве 86 случаев на сто родов, в г. Ленинграде – 88, в среднем по 13 городам – 63 официальных случая [Вишневский (ред.) 2006, 203].

Второй этап формирования социальной практики – опривычивание действия – проявился в частом повторении поступка и завершился очень быстро. Практику прерывания беременности, которую удалось превратить в глазах общества в способ реализации прав женщин, вошла в привычку. Этой привычкой «заразилась» большая часть общества, о чем свидетельствует статистика аборт того периода. Процедура, одобренная со стороны власти, стала восприниматься не только, как удобный, но и как нормальный (от слова «норма») способ решения «проблемы», в чем проявилась одна из характеристик, присущих категории «социальная практика».

В этот период наблюдается первая попытка изучения социального аспекта феномена искусственного прерывания беременности. С 1924 г. ввели обязательную для заполнения «карточку об абрте», с помощью которой

правительство стремилось «изучить социально-бытовую обстановку, вызывающую аборт» [Генс 1929, 27–28], и выработать методы, которые позволили бы взять под контроль масштабы их распространения.

Третий, заключительный этап формирования искусственного прерывания беременности как социальной практики завершился на рубеже 1930-х гг., в этот период наблюдается уже бессознательное широкое воспроизводство поступка индивидами, а также начало влияния самой практики на их поведение. Если в 1924 г. на одно рождение в г. Москве было зафиксировано 0,3 аборта, то к 1934 г. этот показатель достиг 3 единиц; к этому же году на одну ленинградку 35-летнего возраста в среднем приходилось 6–8 абортотворцев [Вишневский (ред.) 2006, 203]. В этот период также проявились остальные признаки, присущие категории «социальная практика»:

– устойчивость. Несмотря на постепенное введение властью некоторых ограничений на производство абортотворцев (в 1926 г. было запрещено прерывать первую беременность женщин, а также тем, кто сделал такую операцию менее полугода назад), в 1930 г. операция стала платной (если заработок на одного члена семьи колебался от 80 до 100 руб., то за операцию платили 75 руб.), интерес к ним не снижался [Лебина 1999, 286]. Более того, после принятия постановления о запрете абортов в 1936 г. под страхом уголовного наказания, а также риска для здоровья и жизни женщин, аборты продолжали делать нелегально;

– воспроизводимость. Для сохранения минимального количества детей в семье часть женщин постоянно стала прибегать к данной практике, а мужчины поддерживать их в этом. Самое большее количество женщин, делающих аборт, в 1938 г. были те, кто имел одного ребенка: в городе – 37 %, на селе – 24,5 %. В 1958–1959 гг. в городе наблюдалась та же тенденция – 41,2 %, на селе – чаще стали совершать аборт женщины, имеющие двух детей 30,0 %, но вырос процент и тех женщин, которые имели одного ребенка до 26,9 % [Садвокасова 1969, 150].

– массовость. Воспроизводство абортов продолжалось по всей стране, несмотря на просветительскую работу о вреде абортов, расширении мер государства по социально-

материальному стимулированию рождений, открытие множества дошкольных учреждений [Вишневский (ред.) 2006, 215]. К абортотворцам прибегали женщины всех социальных слоев, уровней достатка, образования, семейного положения, с разным количеством детей, жилищными условиями и т. д.

– наличие смыслового основания. «Аборт стал в СССР средством избавления от нежелательной беременности, основным методом ограничения детей, ведущим способом планирования размеров семьи... в СССР сформировалась особая “абортная” культура» [Юсупова 2004, 28], аборт стал восприниматься обществом как обычный инструмент регулирования рождаемости.

Таким образом, искусственное прерывание беременности как социальная практика представляет собой совокупность действий (каждое включает принятие решения и процедуру), воспроизводимую индивидами, по преднамеренному прерыванию беременности, является фактором, оказывающим воздействие на весь социум. Она сформировалась за период с конца XIX в. до середины 1930-х гг., когда проявились все признаки, характерные для данной категории. После чего прослеживается развитие данной практики.

Опираясь на положения социальных теорий Бергера и Лукмана, Бурдье, Гидденса, в которых авторы сходятся во мнении, что акторы, с одной стороны создают общество, с другой сами же ограничены этим обществом, при изучении предпосылок распространения случаев аборта, а также этапов становления данной социальной практики удалось выделить основные компоненты практики абортов. К ним относятся: участники практики, действие практики, способ осуществления процедуры, вид аборта, причины принятия решения индивидом об аборте, факторы влияния на практику, объект влияния практики. Изучение содержания компонентов практики позволит не только проследить ее дальнейшее развитие, которое продолжается до настоящего времени, но и определить целевую аудиторию исследований по данной теме.

Например, в конце XX столетия появился медикаментозный способ аборта, а значит расширилось содержание компонентов «вид аборта», а также «участники практики». С на-

чала 1990-х гг. в России к субъектам, оказывающим воздействие на искусственное прерывание беременности присоединились социальные организации, различные некоммерческие, общественные, религиозные организации, распространители abortивных препаратов, что отразилось на содержании компонента «факторы влияния на практику».

Изучение процесса становления искусственного прерывания беременности как социальной практики, позволило определить, что он включает в себя несколько этапов. Первый из которых сопровождался изменением личного отношения к аборту отдельных индивидов; второй – искажением в обществе в целом религиозных, нравственных, этических норм, традиций; третий этап – проявлением всех признаков, присущих категории социальной практики; четвертый – развитием рассматриваемой практики. Искусственное прерывание беременности как социальную практику характеризуют: устойчивость, воспроизводимость, массовость, наличие смыслового основания. Практика состоит из ряда компонентов, по изменению содержания которых можно проследить это развитие. Результаты исследования показали, что причины широкого распространения abortов в России выходят за рамки социально-экономических причин, которыми в основном до настоящего времени ограничиваются исследования, связанные с причинами abortов.

Таким образом, выделенные этапы становления, признаки позволяют идентифицировать феномен искусственного прерывания беременности как социальную практику. Это определяет возможность его исследования через данную категорию, что позволит актуализировать социальное регулирование распространения abortов в условиях институциональных изменений современного российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипова 2005 – Антипова Н.Д. Этические коллизии вокруг проблемы abortа в рамках различных ценностно-мировоззренческих ориентаций // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия, 2005. № 1. С. 107–119.
- Антонова 2009 – Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Общественные науки. 2009. № 4. С. 92–98.
- Бабушкин web – Бабушкин С. Образ женщины в советских плакатах 1920–40-х годов // <http://tehne.com/node/5905>
- Бантьева, Маношкина, Соколовская 2020 – Бантьева М.Н., Маношкина Е.М., Соколовская Т.А. Медико-социальная значимость проблемы abortов в современной России // Академия медицины и спорта, 2020. Т. 1, № 1. С. 5–9.
- Бергер, Лукман 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Брынза, Сульдин, Иванова 2019 – Брынза Н.С., Сульдин А.М., Иванова А.Д. Социально-гигиеническая характеристика женщин, принявших решение о завершении беременности посредством abortа // Медицинская наука и образование Урала, 2019. Т. 20, № 1 (97). С. 117–122.
- Бурдые 2001 – Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Быкова 2019 – Быкова Е.Г. Прерывание беременности как следствие ненадлежащего оказания медицинской помощи // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2019. № 6. С. 30–39.
- Вишневский (ред.) 2006 – Вишневский А.Г. (ред.). Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое изд-во, 2006.
- Водовозова 2014 – Водовозова Е.Н. На заре жизни. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Генс 1929 – Генс А. Проблема abortа в СССР. М.: Госмедиздат, 1929.
- Гидденс 2005 – Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Акад. проект, 2005.
- Грин 1913 – Грин И.В. Социально-правовое положение abortа // Двенадцатый Пироговский съезд, г. Петербург, 29 мая – 5 июня 1913 г., Вып. II. СПб.: Тип. акц. общ. «Слово», 1913. С. 86–87.
- Денисов, Сакевич 2019 – Денисов Б.П., Сакевич В.И. Репродуктивное здоровье населения и проблема abortов в России: новейшие тенденции // Социологические исследования, 2019. № 11. С. 140–151.
- Дьяков 2011 – Дьяков А.А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 1. С. 8–12.
- Конаков web – Конаков С.А. Характеристика и особенности женщин, идущих на медицинский

- аборт, в условиях мегаполиса [Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1] // <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17897>
- Кузнецов, Лисицын 1974 – Кузнецов В.К., Лисицын Ю.П. Аборт искусственный. Большая медицинская энциклопедия. В 30 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1974.
- Лебина 1999 – Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»: «Летний Сад», 1999.
- Миронов 2000 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Обысова 1974 – Обысова Е.А. Аборт. Большая медицинская энциклопедия. В 30 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1974.
- Петрова 2006 – Петрова Н.Н. Психологические факторы искусственного прерывания беременности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2006. № 3. С. 120–124.
- Пирожкова 1912 – Пирожкова О.П. Статистические данные относительно количества выкидышей в Московских городских больницах и городских родильных приютах // Труды IV съезда общества российских акушеров и гинекологов (16–19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб.: Орбита, 1912. С. 103–109.
- Постановление Народных... web – Постановление Народных комиссариатов Здравоохранения и Юстиции от 18 ноября 1920 года № 471 «Об охране здоровья женщины» // <https://istmat.info/node/42778>
- Радзинский, Журавлева 2009 – Радзинский В.Е., Журавлева В.И. Аборты в России (по материалам III Международного конгресса по репродуктивной медицине) // Практическая медицина. 2009. № 2. С. 29–33.
- Руновская 2013 – Руновская Е.Г. Опыт материнства как фактор, влияющий на отношение женщины к аборту // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (24). С. 97–101.
- Рязанцев и др. 2019 – Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Аборты и абортивное поведение в контексте поиска резервов демографического развития в России // Экология человека. 2019. № 7. С. 17–23.
- Садвокасова 1969 – Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М.: Медицина, 1969.
- Сакевич, Фролова 2010 – Сакевич В.И., Фролова О.Г. Репродуктивное поведение, права и здоровье // Социальное и демографическое развитие России: Каирская программа действий: 15 лет спустя. М.: Права человека, 2010. С. 104–113.
- Шугальский web – Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия [Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2] // <https://elibrary.ru/item.asp?id=18844497>
- Юкина web – Юкина И.И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность [Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2] // <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/652>
- Юсупова 2004 – Юсупова А.Н. Аборты в России: монография. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004.
- Якобсон 1912 – Якобсон В.Л. Современный выкидыш с общественной и медицинской точек зрения // Труды IV съезда Общества российских акушеров и гинекологов (16–19 декабря 1911 г.). Вып. I. СПб.: Орбита, 1912. С. 3–16.

REFERENCES

- Antipova N.D., 2005. Ethical Conflicts Around the Problem of Abortion Within the Framework of Various Value-Worldview Orientations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, no. 1. pp. 107-119.
- Antonova N.L., 2009. Social Practice: Theoretical and Methodological Foundations of Research Analysis. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*, no. 4, pp. 92-98.
- Babushkin S. *The Image of a Woman in Soviet Posters of the 1920–40*. URL: <http://tehne.com/node/5905>
- Bantyeva M.N., Manoshkina E.M., Sokolovskaya T.A., 2020. Medical and Social Significance of the Problem of Abortion in Modern Russia. *Akademiya meditsyny i sporta*, vol. 1, no. 1, pp. 5-9.
- Berger P., Lukman T., 1995. *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow, Medium Publ.
- Brynza N.S., Suldin A.M., Ivanova A.D., 2019. Socio-hygienic Characteristics of Women Who Have Decided to Terminate Pregnancy Through Abortion. *Meditsinskaya nauka i obrazovanie Urala*, vol. 20, no. 1 (97), pp. 117-122.
- Bourdieu P., 2001. *Practical Sense*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Bykova E.G., 2019. Termination of Pregnancy as a Consequence of Improper Medical Care. *Vestnik*

- Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo*, no. 6. pp. 30-39
- Vishnevsky A.G. (ed.), 2006. *Demographic Modernization of Russia, 1900–2000*. Moscow, Novoe izd-vo.
- Vodovozova E.N., 2014. *At the Dawn of Life*. Moscow, Direkt-Media Publ.
- Gens A., 1929. *The Problem of Abortion in the USSR*. Moscow, Gosmedizdat Publ.
- Giddens E., 2005. *Organization of Society: An Essay on the Theory of Structuration*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Grin I.V., 1913. *Social and Legal Status of Abortion. Twelfth Pirogov Congress. Petersburg, May 29 – June 5*. Saint Petersburg, Slovo Publ., pp. 86-87.
- Denisov B.P., Sakevich V.I., 2019. Reproductive Health of the Population and the Problem of Abortion in Russia: The Latest Trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 140-151.
- Dyakov A.A., 2011. Theory of Practices: Socio-Philosophical Potential of the Concept. *Izvestiya Saratov University*, vol. 11, no. 1, pp. 8-12.
- Konakov S.A., 2015. Characteristics and Features of Women Going for a Medical Abortion in a Megalopolis. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 2-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17897>
- Kuznetsov V.K., Lisitsyn Yu.P., 1974. Artificial Abortion. *Bolshaya meditsynskaya entsyklopediya. V 30 t. T. 1*. Moscow, Sov. entsykl. Publ.
- Lebina N.B., 1999. *Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920–1930 years*. Saint Petersburg, Zhurn. «Neva» Publ., «Summer Garden» Publ.
- Mironov B.N., 2000. *Social History of Russia During the Empire Period (18th – Early 20th Century). In 2 Vols. Vol. 1*. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ.
- Obysova E.A., 1974. Abortion. *Bolshaya meditsynskaya entsyklopediya. V 30 t. T. 1*. Moscow, Sov. Entsycl. Publ.
- Petrova N.N., 2006. Psychological Factors of Artificial Termination of Pregnancy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Meditsyna*, no. 3, pp. 120-124.
- Pirozhkova O.P., 1912. Statistical Data on the Amount of Miscarriages in Moscow City Hospitals and City Maternity Shelters. *Trudy IV syezda Obshchestva rossiyskikh akusherov i ginekologov (16–19 dekabrya, 1911 g.)*, iss. 1. Saint Petersburg, Orbita Publ., pp. 3-16.
- Obshchestva rossiyskikh akusherov i ginekologov (16–19 dekabrya, 1911 g.)*, iss. 1. Saint Petersburg, Orbita Publ., pp. 103-109.
- Resolution of the People's Commissariats of Health and Justice of November 18, 1920 No. 471 "On the Protection of Women's Health"*. URL: <https://istmat.info/node/42778>
- Radzinsky V.E., Zhuravleva V.I., 2009. Abortions in Russia (Based on the Materials of the 3rd International Congress on Reproductive Medicine). *Prakticheskaya meditsyna*, no. 2, pp. 29-33.
- Runovskaya E.G., 2013. Experience of Motherhood as a Factor Influencing a Woman's Attitude to Abortion. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 2 (24), pp. 97-101.
- Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Sigareva E.P., Sivoplyasova S.Yu., 2019. Abortions and Abortive Behavior in the Context of the Search for Reserves of Demographic Development in Russia. *Ekologiya cheloveka*, no. 7, pp. 17-23.
- Sadvokasova E.A., 1969. *Social and Hygienic Aspects of Family Size Regulation*. Moscow, Meditsina Publ.
- Sakevich V.I., Frolova O.G., 2010. Reproductive Behavior, Rights and Health. *Social and Demographic Development of Russia: Cairo Program of Action: 15 Years Later*. Moscow, Prava cheloveka Publ., pp. 104-113.
- Shugalsky S.S., 2012. Social Practices: Interpretation of the Concept. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18844497>
- Yukina I.I., 2019. Discussion About Abortion in the Russian Empire: Private Life and a New Identity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsyalnye peremeny*, no. 2. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/652>
- Yusupova A.N., 2004. *Abortions in Russia: Monograph*. Moscow, GEOTAR-MED Publ.
- Yakobson V.L., 1912. Contemporary Abortion from Social and Medical Points of View. *Trudy IV syezda Obshchestva rossiyskikh akusherov i ginekologov (16–19 dekabrya, 1911 g.)*, iss. 1. Saint Petersburg, Orbita Publ., pp. 3-16.

Information About the Author

Marina V. Shelest, Applicant, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, marina_sheles@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3567-5983>

Информация об авторе

Марина Викторовна Шелест, соискатель кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, marina_sheles@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3567-5983>